

© 1995 г. Т.М. НИКОЛАЕВА

ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ДАННОСТИ

(на материале четырех выпусков кн. "Теория функциональной грамматики")

1

Настоящий анализ ни в коей степени не претендует на критический разбор языковых фактов, интерпретированных в книгах "Теория функциональной грамматики" (далее ТФГ [1–4]). Задача этой статьи – иная: попытаться представить теорию грамматического описания, содержащуюся в этих работах и выраженную – как эксплицитно, так и имплицитно – в том множестве небольших очерков и больших глав, которые в этих четырех изданиях помещены. Таким образом, речь идет о "презентации" лингвистической теории функциональной грамматики.

Такая попытка была предпринята мною в рецензии на одну из книг по ТФГ, опубликованной в 1991 [5]. За это время изложенные там соображения принципиальным изменениям не подверглись, общие впечатления только расширились и углубились, поэтому некоторые содержательные пересечения с текстом рецензии окажутся неизбежными.

Говоря о ТФГ, необходимо подчеркнуть принципиальную логоцентричность классических канонических грамматик, где основной категориальной единицей и основой всех категориальных реализаций было слово. Слово лежало в основе частеречного деления, описывались парадигмы, т.е. изменения слова, изучались правила порождения новых слов. Синтаксис описывал правила комбинаций слов и семантику этих комбинаций. Этой глобальной логоцентрической ориентации идеально соответствовала теория языковых уровней. Логоцентрическое языкознание имело и свою эстетику. Так, безусловно красивы языки с регулярно замыкающимися на слове грамматическими показателями, например, санскрит или латынь, где все как бы грамматично без остатка. Столь же красивы и виртуозные грамматические описания этих языков. В то же время логоцентрическое языкознание было и в известной степени материалистично, поскольку слово очевидным образом субстанциально. Поэтому, в частности, и интонационные показатели приписывались последнему слову, и в известном законе Я. Ваккернагеля говорится о безударных словах в предложении, т.к. безударность лозии и слишком эфемерна для интроспекции.

Требования необходимой красоты в лингвистическом описании господствовали вплоть до 50-х годов нашего века, когда диктат представителей "точных" наук требовал минимизированного, как мы теперь понимаем, представления языковых данностей в виде регулярных и элегантных схем. Теперь, спустя полстолетия, многие казавшиеся тогда бесспорными положения, например, широко известные требования о том, что описание языка должно быть экономным, простым и непротиворечивым, могут быть пересмотрены с глобальных позиций. Собственно говоря, по чему оно должно быть таким, или, иначе говоря, имеет ли право описание быть неадекватным своему объекту, если сам этот объект непрост, противоречив и "неэкономен"?

Многие очень красивые грамматики современных языков были, таким образом, своеобразным прокрустовым ложем.

В этом отношении работы в духе ТФГ не отражают нечто регулярное, простое и экономное. Более того, в каком-то смысле это и не грамматика, если считать вслед за Ф. Боасом, Р. Якобсоном, И. Мельчуком и многими другими грамматическим строгую облигаторность выражения. В широком смысле слова ТФГ соответствует целому набору явлений, устроенных по полевому принципу: с отчетливо просматривающимся ядром и все более размывающейся периферией. Однако это и не паутинообразное построение, а что-то промежуточное, т.е. находящееся между двумя гетеросущностными полюсами. Такие “промежуточные” феномены можно наблюдать как в теории, так и в отражающих теорию текстах. Остановимся на пяти таких пластах явлений, совокупность которых, по нашему мнению, и будет относительно адекватным представлением ТФГ как на уровне теории, так и на уровне текста самих работ.

Первым таким феноменом можно считать центральное понятие ТФГ – функционально-семантическое поле (ФСП). “ФСП – это понятие, отражающее языковое содержание и языковое выражение в их единстве, относящемся к строю данного языка. Компонентами ФСП являются двусторонние единицы, классы и категории” [2, с. 487]. В других грамматических теориях, связанных с теорией полей, обычно речь идет о воплощении какой-то содержательной категории, все манифестанты которой как бы равноправны. В ТФГ для поля обязательно предполагается центр (но возможна и полицентричность), грамматикализированный в общепринятом смысле. Таким образом, повторяя наше более раннее сравнение, ФСП можно сравнить с грибницей с ярко выраженным ядром. Иначе говоря, ФСП характеризуется грамматикализированным центром, ядром вокруг центра и периферийной частью. Поэтому о каждом поле нельзя сказать, что служит исходным моментом его выделения: грамматические показатели или семантическая выраженность – темпоральность, модальность, залоговость, бытийность, персональность, субъектность и под. Теоретически дискуссионным является вопрос о том, представляет ли подобное поле в современном языке грамматикализацию описываемой категории в процессе становления, или, наоборот, это распад былой тотальной регулярности.

Вторым промежуточным феноменом является в излагаемой теории шкала того отношения к реальности, с которой связана каждая функциональная категория. Дело в том, что известные положения о том, что высказывание описывает внеязыковую действительность и описывает ее либо истинно, либо ложно, в настоящее время можно считать излишне наивными и/или слишком беспроблемными. Что, собственно, считать внеязыковой действительностью для высказывания? Входит ли в нее сам говорящий (а может быть, и слушающий) и его отношение к миру и его способ описания мира? Тем самым мы подводим к идее антропоцентричности языкового бытия. Эта непростота корреляции речевого сознания и действительности отражена в ТФГ посредством введения особого артефактического уровня – к а т е г о р и а л ь - н о й с и т у а ц и и. Категориальная ситуация – это содержательная структура, связанная с семантической категорией и ее ФСП и являющая собой один из аспектов всей ситуации, передаваемой данным высказыванием. Таким образом, категориальные ситуации не являются ни чисто языковыми феноменами, ни феноменами денотативными. Таковы ситуации однократности, длительности, итеративности, и т.д. Такие ситуации тоже как бы промежуточны, но для лингвистического описания бывают необходимы: функционирование лингвистической единицы оказывается невозможным определить для лингвистически пустого пространства. Кроме того, введение категориальных ситуаций позволяет различить семантику (значение) и функции языковых единиц. Функции не отождествляются со значениями [1, с. 9].

Третьим явлением столь же “промежуточного” (т.е. отчетливо не определяемого) статуса в теории ТФГ можно считать величину линейной протяженности того языкового воплощения (score), на базе которого манифестируется категория ФГ. Особенностью описываемой функциональной грамматики является непривязанность к тому или иному каноническому языковому уровню. Таким образом, семантическая

категория формирует ФСП посредством гетерогенных по уровневой принадлежности единиц. Это дает возможность широко включать в систему описания разнообразные “периферийные” раритеты и реликты – в особенности это относится к окологлагольным формированиям, часто никак не укладывающимся в системы “академических” грамматик.

Возвращаясь к вопросу о линейной протяженности языковых единиц описания в ТФГ, необходимо заметить, что сама установка на необязательность логоцентрического мышления уже явилась предпосылкой того, что в ТФГ можно оперировать любыми языковыми протяженностями. На “длинном” речевом пространстве открылась возможность выявить субзначения уже как будто бы хорошо описанных и определенных содержательных категорий, а также их разноуровневую манифестацию. В теоретическом Введении основной единицей анализа объявляется высказывание. “Высказывание представляет собой минимальное единство, в пределах которого осуществляется функционирование языковых единиц в речи” [1, с. 8]. На самом же деле, судя по текстам четырех книг ТФГ, эти линейные единицы – варьируются. Так, аспектуальность, посессивность и субъектно-предикатные отношения могут описываться через единицы, меньшие, чем предложение, а категории определенности-неопределенности и коммуникативная перспектива предложения часто анализируются через последовательность высказываний даже через минитекстовые единицы. Таким образом, языковая единица в системе ТФГ – разнообразна и мобильна; с варьирующей протяженностью; она может быть промежуточной между словом и высказыванием.

Четвертым феноменом ТФГ, также сохраняющим структуру центра- ядра и колеблющейся периферии, является сам объект анализа, т.е. язык.

Иначе говоря, вопрос ставится так: в книгах ТФГ говорится о языке (тогда – о каком?) или о языковых системах вообще? По нашему глубокому убеждению, сама идея данной ТФГ ориентирована на монолингвистичность. Только данной языковой реальностью оправдывается теория такого именно ФСП с отчетливо грамматикализированным ядром и размытой периферией. Таким образом, эта теория ТФГ (речь идет о лингвистических наблюдениях авторов) ориентирована на один язык, где она дает максимальные по возможностям результаты. Этим ядром описания, центром, в книгах ТФГ является русский язык. Как будто бы так и понимают эту задачу и сами авторы: “Как и в первой книге... анализ функционально-семантических полей (ФСП) строится главным образом на материале русского языка” [2, с. 3]. Итак, именно русский язык является центром притяжения теоретических разработок ТФГ. Дескриптивной периферией тогда, на наш взгляд, может быть сопоставление русского языка с иноязычными системами, с потенциально иной грамматической центровкой функционально-семантических полей. Такие главы-очерки в книгах ТФГ действительно представлены. Это – “Типологические и сопоставительные аспекты анализа независимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским)” – В.П. Недялков, Т.А. Отаина [1]; “Неканонические средства выражения пассивности (на материале русского языка в сопоставлении с немецким)” – Р. Леч [3]; подраздел в главе “Семантика и выражение определенности-неопределенности” – В. Гладров [4] “Сопоставительные наблюдения”.

Вместе с тем в изданиях ТФГ встречаются еще два вида исследований глав, как бы тяготеющих к принципиально иным видам грамматических жанров. Это главы, написанные целиком на материале иных, чем русский, языков. Например, “Функции субъекта и объекта в аспекте теории валентности” – на немецком материале (автор – С.М. Кибардина [4]); “Персональность в языках разных типов” – авторы А.П. Володин, Н.Б. Вахтин [3].

Второй тип таких глав – это работы общего характера, в которых проблемы грамматики обсуждаются в плане универсально-языковой категоризации без заданных конкретных “привязок”. Например, такова глава В.Б. Касевича “Субъектность и объектность: проблемы семантики” [4]; глава И.Б. Долининой “Категория переходности в

ее отношении к лексике и синтаксису” [4]; “Типология рефлексивных конструкций (авторы Э.Ш. Генюшене, В.П. Недялков [3]); “Перфектность” (автор – Ю.С. Маслов [3]).

Названные статьи (главы) не менее интересны, чем главы, посвященные русскому языку; однако сосуществование этих трех жанров текстов в книгах ТФГ делает грамматический статус самой теории Функциональной грамматики каким-то мерцающим. То ли мы имеем дело с функциональной грамматикой русского языка, то ли с давними по традиции тематическими сборниками типа “Категория X в языках Y”, то ли с опытом универсальной грамматики, где серьезно обсуждается сущность фундаментальных грамматических понятий безотносительно к конкретному языку. Таким образом, допустимо говорить и о промежуточности жанра в книгах ТФГ, где также намечается ядерная часть и периферия (как уже говорилось, совсем не менее значимая).

Наконец, центр и периферию можно выделять и обращаясь к самой теории ФГ, которая также по-разному проходит через тексты книг. И в этом смысле намечается некий промежуточный (или мерцающий) общий текст. Естественно, теоретическим центром являются главы самого вдохновителя и организатора работы – А.В. Бондарко, идеи которого о сущности ФГ нового типа формировались уже в течение многих лет и известны по его ранее опубликованным работам (см.: [6–12] и др.). Очевидным образом к его концептуальным главам примыкают работы его соратников по Институту лингвистических исследований РАН; все эти главы характеризуются именно тем концептуальным ядром, принципы построения которого мы попытались описать и сформулировать выше. Другие исследования, в особенности московских лингвистов, написаны с “собственных позиций”, что и естественно для таких давно сформировавших свои концепции ученых, как Т.В. Булыгина, О.Н. Селиверстова, А.Д. Шмелев. Самостоятельна концептуально и глава В.Б. Касевича [4] и другие главы.

Итак, если не бояться упреков в языковой игре, то можно сказать что некоторая концептуальная и жанровая эклектичность текстов книг ТФГ коррелирует с эклектичностью выражения функционально-смысловых полей и, наконец, с эклектичностью самого живого языка, что вероятно есть его *conditio sine qua non* (нельзя забывать, что самые “красивые” языки – это мертвые языки).

Наконец, завершая раздел общей характеристики ТФГ, нельзя не сказать об отношении ТФГ и канонической грамматики. Безусловно, каноническая грамматика является исходной точкой и опорной базой для ТФГ и в то же время объектом полемики. Очевидно, что функционирование любого X можно описать, лишь опираясь на то, что X уже выделен и определен. Именно это делает дескриптивная грамматика. Таким образом, сосуществование обеих грамматик (функциональной и дескриптивной) предполагается.

2

Поскольку в основном ТФГ имеет дело с категориальными языковыми сущностями, то важно понять, какие именно категории исследовались (описывались) в четырех изданиях ТФГ. Очевидно, что важнейшими положениями ТФГ являются концепции выделения семантических категорий и их потенциального укрупнения. В традиционной грамматике подобные проблемы прояснены: и падеж как таковой есть категория, и отдельные падежи – родительный, дательный и т.д. – суть также языковые категории. Также и в ТФГ: “семантические категории могут быть более общими и более частными” [1, с. 29].

Сложнее понять принцип выделения категорий как отдельных. “Семантические категории грамматики выделяются на основе их регулярной представленности (в том или ином варианте) в содержании высказываний, в значениях языковых единиц и их

разнообразных сочетаний” [1, с. 30]. Далее говорится о выделении семантических категорий на учным познанием (разрядка моя. – ТН). Ср. также: “Итак, в истолковании семантических категорий важнейшее значение имеет принцип онтологизма” [1, с. 31].

Таким образом, возникает опасность сделать языковедческими (и грамматическими) такие онтологические понятия, как добро, красота и под. Предполагается, что такая опасность может предотвращаться требованиями “регулярной представленности” в высказывании.

Обратимся теперь к конкретным категориям, анализ которых дан в изданиях ТФГ. В [1] это аспектуальность, поле которой дробится на семантику предела, процессность, длительность, кратность, фазовость, начинательность. Категория аспектуальности действительно не может быть не представлена в русском глагольном высказывании. Сходным образом организована презентация категории модальности в [2], где общее смысловое поле делится на поле возможности, необходимости, достоверности, оптативности, повелительности, прохибитивности, превентивности. В этой же связи и обсуждаются и собственно языковые формы модальности, в частности, вопрос о наклонениях – волитивных и когнитивных.

На фоне таких категорий, безусловно понятийно-лингвистических, сложным становится вопрос о таких феноменах, как таксис [1], т.к. языки отражают подобное явление и иконически, и практически чисто формально (см., например, правило *consecutio temporum*). Если в изолированном высказывании мы не можем обойтись, например, без выражения модальности или персональности, то таксис наблюдается лишь при наличии полипредикативности.

В [1] одной из самых интересных глав является глава о временной локализованности. В следующем выпуске эта тема неизбежно сливается с более общей категорией – темпоральностью; о связях этих понятий говорится и в первом выпуске (с. 214), однако эти языковые концепты действительно не совсем совпадают, и создается впечатление, что категориальные поля (и тем самым главы о них) можно выделить, “поднимая” концептуально в описании либо один, либо другой содержательный центр. И тогда эти описания будут в принципе несколько различаться.

Чисто лингвистической, а не онтологической кажется формулировка категории как “залоговость”, хотя она отражает вполне онтологическое понятие активности – пассивности действия (состояния).

Интересно то, что сама структура языка, стремящегося передать больше информации в единицу времени и компрессирующего смысловую нагрузку, уменьшая арену ее воплощения (см. об этом: [3]), диктует содержательные пересечения в разделах и главах. Так, аспектуальность рассматривается не только в специально ей посвященной главе, но и в главе “Таксис” (аспектуально-таксисные ситуации), в главе “Темпоральность” (аспектуально-темпоральные отношения), в главе “Модальность” (модально-аспектуальные связи). Императивные конструкции обсуждаются только в одной главе “Модальность” не менее шести раз; см., в частности, раздел “Волитивные наклонения: императив и оптатив” в большем разделе “Функционально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики” (Г.Г. Сильницкий) и “Оптатив и императив” в разделе “Оптативность” (Е.Е. Корди). Именно так становится еще более очевидной экономность языкового устройства, когда одна и та же языковая единица многократно отражается в зеркалах лингвистического описания.

В пределах лингвистической системы ТФГ не вводится и не обсуждается понятие грамматического нуля. Поэтому не всегда оказывается возможным методически дифференцировать те категории, которые в принципе в языковой системе представлены и даже обладают богатым набором средств выражения, но в каждом высказывании обязательно должны быть представлены, и те категории, которые не могут быть в той или иной форме презентированными.

Размышляя о том, какие еще очевидные категории могли бы быть включены в состав описания в ТФГ, можно было бы назвать отрицание, дейксис и еще несколько

других. Однако отрицание (негация), на наш взгляд, является именно той категорией, которая не обладает требуемой степенью облигаторности, хотя гамма ее выражений в русском языке разнообразна и интересна. Отношение к дейксису более сложное, т.к. он входит в общую систему актуализаторов языка и тем самым можно поставить вопрос более обобщенно: о категории актуализации, которая неизбежно снова возвращает к проблеме включения личности говорящего в сферу внеязыковой реальности или, если поставить вопрос иначе, об относительности традиционного деления реальности на языковую и внеязыковую.

3

Естественно, что теория, активно развивающаяся уже более пятнадцати лет, не стоит на месте. Поэтому особенно интересно обратиться к последнему тому ТФГ, а именно к [ТФГ 4]. В отличие от предыдущих выпусков, с традиционной точки зрения обсуждающих, скорее, категории морфологические, этот том больше посвящен проблемам синтаксическим. Однако такого явного водораздела в ТФГ нет. И, действительно, в главах ТФГ морфология и синтаксис как бы перетекают друг в друга. В Предисловии к [4] специфика тома объясняется группировкой ФСП с субъектно-объектным ядром, тогда как в предшествующих томах рассматривались ФСП с предикативным ядром. Действительно, при их более подробном рассмотрении, все проблемы, переходящие в томах ТФГ из главы в главу, оказываются тематически связанными. Безусловно все же, что в первой части тома центром является проблема субъекта. Иначе говоря, обсуждается, что такое субъект в рамках данной теории и как он соотносится с концептами содержательно близкими: подлежащим, субъектом грамматическим, субъектом семантическим, топиком, темой. Точнее – что можно считать субъектом в пределах названного набора? Сходные, но не идентичные проблемы встают и при идентификации объекта, а в рамках субъектно-объектных отношений – при квалификации переходности. Определение статуса субъекта влияет на интерпретацию коммуникативной перспективы предложения, которая в свою очередь неотделима от категории определенности-неопределенности. Научная трактовка каждого из явлений различает два понимания – широкое (как правило, семантико-прагматическое) и узкое (обычно лексико-грамматическое). Хотя в Предисловии справедливо говорится о том, что авторы данного тома многое видят по-разному, но главы написаны так, что перцептивной напряженности не возникает и “переключка явлений” действительно помогает “углубить представление о предмете явления и заложенных в нем противоречиях” (с. 3). Небольшая по объему глава В.Б. Касевича: “Субъектность и объектность: проблемы семантики” по сути является теоретическим вступлением к теме. Справедливо отрицая традиционную ось “субъектно-объектных отношений” (они соотносятся только через предикат), В.Б. Касевич показывает, детально анализируя современные S-концепции и факты языков самой разнообразной типологии, что существуют SPO-отношения четырех родов: коммуникативно-прагматические, лексико-синтаксические, грамматико (синтактико)-семантические и грамматические (синтаксические) отношения (с. 12). Распутать теоретические сложности здесь поможет независимое описание этих типов корреляций. Это будет способствовать и различению тех случаев, когда в языке грамматического субъекта нет, но агенс-тема имеет специализированный показатель. Для разрешения проблем субъектности В.Б. Касевич привлекает современную концепцию “прототипической конструкции”, т.е. неэллиптической и самодостаточной структуры, через отношение к которой могут быть описаны конкретные языковые реализации. Собственно языковые сложности описания объекта (с предлогом? без? только пациенс? пациенс и датив?) В.Б. Касевич также подводит к описанию объекта через прототипическую конструкцию; так, переходными автор считает те ситуации, где происходит изменение пациенса; переходность обладает степенью, которая может

повышаться или понижаться (семантически). Транзитивность же – это внутриязыковая категория. Выводы (с. 28–29) можно назвать операционно-конструктивными, поскольку они позволяют определить статус субъекта, объекта и переходности в языках разных типов.

Иной вариант трактовки субъекта предлагается в главе А.В. Бондарко “Субъектно-предикатно-объектные ситуации”. В предлагаемой квалификации субъект – это “тот элемент типовой СПО-ситуации, который выступает как субстанция, являющаяся источником приписываемого ей неpassивного предикативного признака” (с. 33). Типовая СПО-ситуация может охватывать полный набор элементов С, П, О (*Хозяйка варит обед*), но также и неполные структуры, являясь таким образом “общей рамкой”. Во фразах *Охотник убил медведя* и *Медведь убит охотником* А.В. Бондарко в обоих случаях семантическим субъектом считает *охотник*. Тем самым субъект разводится с подлежащим. Достаточно прямо в этой главе говорится и об “обратном” воздействии языка на мышление (с. 34), т.к. абсолютная семантическая свобода С, П и О от языковой интерпретации невозможна. Слово “интерпретация” здесь не является синонимом “воплощение”, т.е. иначе говоря, язык интерпретирует действительность. В главе В.Б. Касевича центром отношений является предикат, а у А.В. Бондарко – субъект, который “детерминирует, каузирует предикат”, хотя и предикат важен. Очень интересным в этой связи является “красивый” раздел о наличии корреляций между конкретностью/неконкретностью субъекта и локализованностью/нелокализованностью во времени. Субъект действия, по концепции А.В. Бондарко, не идентичен не только подлежащему, но и субъекту пропозиции. Так, во фразе *Эта гипотеза выдвинута Петровым* слово *гипотеза* является объектом действия, но субъектом пропозиции. Особое место занимает концепция “сопряженной субъектности” (*Его убило молнией; Выходит ли мне замуж?* и под.). Естественно, что обращение к идее полной развернутой структуры СПО-отношения заставляет вводить понятие “носитель предикативного признака” (НПП), в том числе дискретного и недискретного (например, *Люблю тебя; Пиши* и т.д.). (Напоминаем, что цель настоящей статьи – презентация значительной и давно сложившейся школы, а не обсуждение собственных трактовок, к тому же, не всегда у автора имеющихся.)

Дальнейшее чтение разделов о применении понятия НПП в разного рода русских синтаксических структурах, традиционно односоставных, двусоставных, обобщенно-личных и неопределенно-личных, демонстрирует мучительное “сопротивление” русского синтаксиса попыткам увидеть в нем нечто единообразное. [Некоторые построения так сложны, что только простой обыденный опыт помогает разобраться в приводимых примерах. Так, например, “предложения *Я люблю тебя* и *Люблю тебя* по их субъектно-предикатной структуре, на наш взгляд, ближе друг к другу, чем предложения *Люблю тебя* и *Тишина*, традиционно объединяемые в классе односоставных” (с. 59).] НПП относится к подлежащему. Здесь А.В. Бондарко пользуется этим термином в традиционном смысле, сохраняя в то же время, в духе всей теории ТФГ, для идентификации представителей НПП центр и периферию – с возможностями переходных зон.

Расширенное понятие НПП относится и к управляемым членам (*Больную лихорадит* и под.); таким образом СПО-ситуации поликатегориальны, С и О суть выразители категориальных признаков, но сами они – также поля с ядром и периферией, как в плане содержания, так и в плане выражения. То, что из ориентации на синтагматику в рамках ТФГ должна родиться новая парадигматика и тем самым новая грамматика, подтверждают и другие главы данного тома. Так, одной из сложнейших для грамматистов сущностей русского синтаксиса – субъекту в безличных предложениях – посвящена глава В.М. Павлова. Как уже говорилось в п. 1, теория ФГ прямо соотносится с необходимостью появления философии отношения языка и мышления, адекватной концу XX в. и всем достижениям современного языкознания. В.М. Павлов ясно это демонстрирует: он различает объективный мир, языковое его

отображение – субъективный мир. Но есть еще “языковая мысль”, т.е. “интерпретационный компонент семантического содержания языкового образования” – это “образ образа” (с. 79). Из этого положения делается интересный вывод о внутренней противоречивости, раздвоенности, которая свойственна не только безличным предложениям как языковой структуре, но и речемыслительной деятельности в целом.

Мыслительные образы, стоящие за безличными предложениями, В.М. Павлов уподобляет сцене – с авансценой и задней кулисой, с яркостью и темнотой (с. 82), т.е. это опять рельефность центра и периферии.

В первой части статьи уже говорилось о работе С.М. Кибардиной “Функции субъекта и объекта в аспекте теории валентности”. Развитием общих идей А.В. Бондарко является и другая его глава в том же “Переходность/непереходность глагола в системе субъектно-предикатно-объектных отношений”. Естественно, что для сферы П/НП в предложении общей теории ФГ выделяются два полюса – прямая переходность (Гл. + 0 пр.) и абсолютная непереходность, сопряженная с безобъектностью. Промежуточная зона – арена демаркационного рассеяния для грамматиста. Грамматический интерес вызывает и то обстоятельство, что универсальной грамматики и семантики П/НП нет, т.е. языки членят это акциональное состояние по-разному (с. 120). Таким образом наличие П/НП обусловлено и лексически, и синтаксически. Оба эти аспекта подробно рассматриваются И.Б. Долининой (“Категория переходности в ее отношении к лексике и синтаксису”). П/НП, по ее концепции, категории полиреференциальные и коррелируют с двумя разноплановыми типами более конкретных категорий: носителем лексической категории П/НП является глагол, синтаксической – глагольное сказуемое. Установочная заданность трактовки может, в частности, изменять синтаксическую таксономию: придаточное, например, в англ. *it is well known that...* может, в зависимости от подхода, трактоваться и как дополнительное, и как подлежащее. Однако, несмотря на расхождение манифестаций П/НП на разных уровнях, И.Б. Долинина не исключает интерпретацию всех явлений П/НП как некоей единой “метаобобщенной” категории. Совершенно очевидно, что в рамках сегодняшней ТФГ намечается интерес к совмещенности отдельных категорий в одном высказывании. Оказывается, что степень конкретизации субъекта (или его квалификация как конкретизированного или обобщенного) тесно связана с типом ситуации: локализованной, узальной, вневременной и т.д. Кроме того, креативные потенции субъекта активной конструкции значительно превышают возможности субъекта в пассиве (Ю.А. Пупынин: “Субъектность и актуализационные категории предиката”). Близки к этому и положения главы И.Н. Смирнова: “Семантика субъекта/объекта и временная локализованность”.

Теоретически значимым является вывод, вытекающий из впечатлений от последовательного чтения всех глав тома: при обращении к семантике уже выделенных категорий операционная таксономия делается, видимо, более “легкой” (как в дескрипции, так и в перцепции), чем при обсуждении попытки прояснить грамматический статус базовых понятий ТФГ. Это особенно видно на примере интересного материала главы В.А. Ямшановой: “Инструментальность и субъектно-объектные отношения”. Говоря о принципиальной невозможности воздействия субъекта на объект без средств этого воздействия, В.А. Ямшанова выделяет три варианта инструментальной ситуации: 1) цель – средство; 2) действие – средство; 3) средство – результат (с. 185). Далеко уходя от традиционного описания инструментальности через творительный падеж, она представляет широкую гамму средств познавательной, преобразовательной и оценочной деятельности субъекта. Отношения при этом возможны как субъектно-объектные, так и субъектно-субъектные. Вторая часть исследования – описание семантики самого предмета: дискретные и недискретные виды орудий, а также средства-предметы – одушевленные и неодушевленные. Приводится и общая иерархическая структура субкатегории орудия (с. 178). По диапазону возможных реализаций непредметная инструментальность еще более пестра, при этом сюда включаются и таковые ситуации: *приветствовать сняв шляпу; он обрадовал ее*

тем, что помог и т.д. Интересны замечания в финале главы о том, что говорящий может “понижать” целенаправленное действие: *поставить на ноги правильным лечением – лечить массажем – делать массаж, потирая ушибленное место* и т.д. (с. 186). Незаметное сначала постепенное движение в сторону чистой семантики делает описание ситуаций в этой главе неизменно интересным, однако уводящим от онтологической “двойной артикуляции” языка. Поэтому иногда ощущается потребность в дополнительной коррекции: – со стороны языковой формы инструментальных конструкций, а не только со стороны их содержания.

Вторая часть [4] отличается и от предшествующих выпусков ТФГ, и от первой части этого же тома. Если при чтении всех предыдущих текстов перед глазами вставал образ чего-то близкого или к “Лаокоону” или к “Рабу” Микельанджело, т.е. образ человека, мучительно борющегося с путами (змеями), то здесь возникает образ спокойной рафаэлевской ясности (речь идет о главе О.Н. Селиверстовой и Л.А. Прозоровой “Коммуникативная перспектива высказывания”). Лингвистически, поскольку это относится и к языку, и к его теории, важно понять, в чем тут дело: в типе исследователя? в научной школе? в языковом уровне? в открытой/закрытой экспликации таксономических трудностей? в согласовании своих терминов с рутинно-традиционными? Как представляется, секрет этот доступен для разгадывания, но об этом мы хотим сказать несколько позднее.

О.Н. Селиверстова и Л.А. Прозорова исследуют область, насчитывающую не более сорока лет серьезного изучения. Во всяком случае автору этих строк не раз приходилось в качестве студентки русского отделения МГУ слышать с кафедры тезис о том, что в русском языке порядок слов абсолютно свободный. Когда же в 1971 г. меня пригласила В.А. Белошапкова читать спецкурс “Теории Актуального членения предложения”, очень известный профессор-филолог спросил меня: “Ну, что же это за членение такое, что оно стало таким актуальным?”. За небольшой срок определение механизма расположения русских слов прошло большой путь от плоскостного истолкования до понимания (возможно, еще не полного) многомерности некоего сложно устроенного явления. Как представляется, этот путь был связан с тем, что логоцентрическое языкознание принципиально не было готово к многомерности линейных (суперсегментных) явлений. Все это отражено в небольшой и стройной главе двух упомянутых авторов (см. раздел: “История вопроса”). Авторы вводят прежде всего базисные для своей теории понятия, действительно потом конструктивно действующие. Коммуникативная структура может быть как линейной, так и нелинейной. Элементы отношений связывает векторность, т.е. общая функциональная направленность. Сами элементы выстроенной пропозиции именуются коммуникативными элементами (КЭ). Каждый КЭ может выполнять функции либо характеризующего, либо характеризующего, либо обе функции одновременно.

Информативная структура, т.е. новое vs данное, не тождественна коммуникативной и не определяет ее однозначно. Важное понятие – фокус контраста: он возникает на пересечении коммуникативной и информативной структур. Обусловлен он следующим: “когда говорящий сообщает что-то, он тем самым отвергает некоторое другое положение дел” (с. 191). Коммуникативно нечленимым считается предложение, целиком попадающее в фокус контраста (в моих работах об АЧ такие высказывания назывались “глобальными”). “Тема” и “рема” используются только при обращении к коммуникативно членимым. Авторы критически анализируют все известные теории объяснения функций порядка слов и приводят по каждому поводу убедительные примеры. Возразить можно только по одному примеру из Д. Хармса: *На втором этаже я остановился; противная мысль пришла мне в голову: ведь старуха должна начать разлагаться* (с. 198). Порядок слов во втором предложении можно объяснить не только причинно-следственными связями, но и поставить его в общий ряд с фразами типа: *Собрался уходить – телефон зазвонил; Подъезжаем к Крыму – снег лежит*, а в изолированных предложениях – *Смотри, папа идет* и под. То есть это

высказывания с семантикой неожиданной ситуации (или контрситуации). Убедительным и новым положением авторов является критика многих предыдущих теорий за то, что они оказываются в состоянии объяснить только выбор исходной точки высказывания, но не имеют интерпретационной силы для дальнейшего развертывания всех КЭ. Это развертывание КЭ в главе описывается через отношения X-мого и X-щего, при этом типы отношений могут развертываться как последовательно, так и через параллельные блоки. Говоря об инициальном вынесении топика в большинстве неиндоевропейских языков, авторы (с. 206), приводя русский пример *Петр Иванович, у него характер отвратительный*, считают такое “асинтаксическое характеризуемое” для русского языка нетипичным. С этим тезисом согласиться трудно; более того, русский язык в системе “разговорная речь” очень близок к этой архаической дискурсивной модели, именно с ней обычно борются учителя в школах (*Татьяна, ей Онегин написал потом письмо и под.*). Этой модели посвящены многие исследования наших ведущих специалистов по РР.

Одним из самых сильных мест предлагаемой теории является метод тестирования, разработанный О.Н. Селиверстовой и Л.А. Прозоровой: X-щее, попадающее в фокус контраста, является ремой. А выявляет фокус контраста следующий тест: на потенциально возможную позицию подставляется элемент-неноситель противопоставления в составе данного высказывания. Если высказывание становится неотмеченным или ложным, то это есть действительно фокус контраста:

*За спиной он держал нож;
? За спиной он держал руки;
Он держал руки за спиной.*

При этом нельзя не заметить, что из этой теории естественно выводится идея линейной изотопии элементов высказывания, центром которой является здесь глагол. О.Н. Селиверстова и Л.А. Прозорова связывают коммуникативную перспективу и с синтаксическими функциями членов высказывания. Рядом ученых было замечено, что появление SV-структур в архаических текстах связано с увеличением кругозора, расширением числа актантов, в этих случаях через инициальное S маркировалось абсолютно новое лицо. Именно эти идея оживает в связи с чтением необычайно интересного раздела: “Условия появления случайного персонажа”. Введение начального S, оказывается, во многих случаях является ключом к новой и тонкой интерпретации самых знаменитых текстов русской классики. Не останавливаясь, к сожалению, на всех деталях главы О.Н. Селиверстовой и Л.А. Прозоровой, попытаемся сформулировать в связи с ней два положения, как кажется, связанных с общими положениями ТФГ.

1. По мере углубления в текст главы возникает отчетливое ощущение присутствия в языке неких лексико-семантических ассоциативных моделей, не строго коррелирующих с собственно грамматикой; они и определяют развертывание высказывания. Таким образом, явно прощупывается “идеографический” характер коммуникативной перспективы (не равный иконическому), о котором до сих пор прямо не говорилось.

2. Загадка легкости и элегантной убедительности главы двух авторов, по нашему мнению, объясняется следующим образом. Авторы ни разу не обращаются к “действительности”, стоящей за высказыванием, онтологическим проблемам коммуникативной и информативной структур. Все сказанное ими замыкается на коммуникативных намерениях автора (говорящего), его фокусе контраста, эмпатии, на нюансах семантики того мира, который создается коротким высказыванием (т.е. представить, например, актанта случайным персонажем или нет – дело автора).

Раздел этот демонстрирует, как элегантно можно описать (и понять) языковые структуры, если эту интерпретацию сделать чисто антропоцентрической.

Глава В. Гладрова “Семантика и выражение определенности – неопределенности”, помещенная после главы О.А. Селиверстовой и Л.А. Прозоровой, представляет, по нашему мнению, достаточно корректно, самые общие и потому минимизированные,

сведения об этой категории в русском языке. Достаточно сказать только, что область неопределенных местоимений (т.е. *какой-нибудь, какой-либо, некий, кое-какой, некоторый, любой, всякий, тот, такой*) объявляется периферийной областью поля О/НО (с. 257). К сожалению, автор главы даже не ставит на обсуждение важный и назревший вопрос о том, не являются ли в русском языке О и НО самостоятельными полями (в оппозиции к нулевой ситуации) или хотя бы о бицентричности этого поля. Попытка такой интерпретации сделала бы описание более глубоким и более сложным адекватно объекту.

Вторая часть тома [4] заканчивается главой А.Д. Шмелева о категории О/НО в аспекте теории референции. Широкая возможность манипулировать референциальной областью в речи (одна из особенностей русского языка) стала использоваться как особенно благодарный прием в наше политизированное время. Ср. *Мы конечно за реформы* (эти? вообще?); *Президент нужен* (именно этот? какой-нибудь?). Поэтому слова А.Д. Шмелева о “компенсации артиклей” в русском языке несколько наивны: русский язык умеет их и не компенсировать. См. также известную в пушкинистике дискуссию о том, чьим же братом был Ленский: *Она должна в нем ненавидеть убийцу брата своего*.

Сталкиваясь с ключевым вопросом об отношении языка и действительности, А.Д. Шмелев изящно останавливается на полпути: “для лингвиста реальная действительность – эта та действительность, которая подается говорящим как реальная” (с. 209). А на самом деле как? А для говорящего – как? Абсолютно соглашаясь с А.Д. Шмелевым, я не могу не подчеркнуть, что это его положение, процитированное выше, по сути перечеркивает рассуждения о том, что суть высказываний в их истинности или ложности: высказывание именно “подается” таким образом. Кроме того – и это мое глубокое убеждение как лингвиста – говорить о ложности/истинности высказывания вообще некорректно. Высказывание есть факт речевой деятельности и факт речевой действительности, оно обозначается через метапонятие, как слово, звук и под., поэтому, как и они, оно находится вне истинностных ценностей. Истинным/ложным может быть с у ж д е н и е, или, иначе говоря, то, о чем в высказывании говорится.

Удачным для решения многих проблем можно считать введение А.Д. Шмелевым понятия “денотативного пространства”. Это фрагмент внеязыковой действительности, в котором “фиксируется референт данного языкового выражения”. Он показывает далее, что в сущности за пониманием определенности стоят два подхода – прагматический (известности со стороны участников коммуникативного акта) и логический (единственность объекта, удовлетворяющего выбранной номинации). А.Д. Шмелев намечает пути синтеза этих двух подходов. Дальнейший текст его главы становится более лапидарным и по существу кратко излагает многократно обсуждавшиеся в литературе (не только о русском языке) проблемы референтности в переменном денотативном пространстве. Приводится (не всегда оптимальный вариант) по примеру на такие ситуации: *Каждый день к нему кто-то приезжал; Маша хочет выйти замуж за какого-нибудь математика; -нибудь* предположительные ситуации и т.д. По всем этим поводам в последнее десятилетие сказано уже очень много; в том числе и об интродуктивной функции *один* и т.д., поэтому в этой части глава несколько напоминает лекционный обзор.

Подводя итоги нашей обзорной статьи, необходимо высказать следующие общие соображения. ТФГ в целом – это заявка на теорию грамматики вообще и на теорию русской грамматики в частности. И эта заявка сильная. Трудности, возникавшие при анализе ТФГ, во многом связаны и с тем, что теории описания языка интерпретирующего характера, в пределах которой трактовались бы и вопросы онтологи-

ческого свойства (отношения языка и внеязыковых феноменов, функционирование самых маргинальных языковых единиц) в нашем отечественном языкознании не было давно, кроме параллельно создававшейся теории Ю.Д. Апресяна и его учеников. Авторы не стремились оставаться только в кругу “валоризованных”, т.е. грамматизированных как в перцепции, так и в таксономии, единиц, но не боялись отражать и неясные промежуточные ситуации, неоформившиеся категории и т.д.

Выпуски (тома) ТФГ появлялись в эпоху, когда стремление к общей объясняющей теории стало сменяться яркими блесками фрагментарного инсайта, действительно, часто вызывающего восхищение. Увлечение находками стало заслонять ценность поиска, пути, а обмен только “интересностями” – мучительность построения глобальной и адекватной самому объекту не всегда привлекательной архитектурной конструкции.

Оценить и правильно, т.е. встав на позиции авторов, интерпретировать все то, что содержится в четырех объемных томах, практически невозможно. Поэтому, естественно, в данной статье приходилось иметь дело с очень крупной оптикой. Но увидеть настоящую потребность сегодняшнего дня в пересмотре уже явно не соответствующих языковедческим достижениям лингвофилософских положений полувековой давности можно и глядя на ТФГ с “птичьего полета”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
2. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
3. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
4. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
5. Николаева Т.М. (рец.): Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990 // ИАН СЛЯ. 1991. № 6.
6. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
7. Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики // ИАН СЛЯ. 1981. № 6.
8. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
9. Бондарко А.В. Категориальные ситуации // ВЯ. 1983. № 2.
10. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
11. Бондарко А.В. О грамматике функционально-семантических полей // ИАН СЛЯ. 1984. № 6.
12. Бондарко А.В. К системным основаниям концепции “Русской грамматики” // ВЯ. 1987. № 4.
13. Николаева Т.М. Диахрония или эволюция? // ВЯ. 1991. № 2.